

**ВСТУПЛЕНИЕ,
В КОТОРОМ РАССКАЗЫВАЕТСЯ
О ВИЛЬЯБЕРМЕХЕ, О ДОНЕ ХУАНЕ СВЕЖЕМ
И ОБ ИЛЛЮЗИЯХ ВООБЩЕ**

Мой старый приятель дон Мигель де лос Сантос Альварес, оптимист по складу ума и характера, трезвый наблюдатель и проникательный философ, не без остроумия утверждает, что люди, достигая старости, столько же теряют в одном, сколько приобретают в другом, и поэтому у них нет причин тревожиться и огорчаться.

«Обычно думают, — поясняет он свою мысль, — что старый человек лысеет из-за недостатка жизненных соков; дескать, волосы перестают питаться и выпадают. Однако наблюдения говорят о другом: именно в тот период, когда наступает облысение, у людей начинают расти волосы — к тому же крепкие, как щетина, — в носу и в ушах, а брови становятся такими густыми и кустистыми, что затеняют почти всю верхнюю часть лица. Эта закономерность особенно ясно проявляется у женщин. Поредение волос на голове компенсируется у них обильной растительностью на подбородке и над верхней губой, придавая им сходство с графиней Трифальди¹ и с Освобожденной

¹ *Графиня Трифальди* — графиня с другими дворцовыми дурнями в качестве наказания за якобы дурной нрав и повадки получила бороду в романе Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот» (т. II, гл. XXXIX).

Святой¹. Первая из них, как известно, обросла бородой по умыслу злого волшебника, а вторая — по божественному промыслу, ибо борода помогла ей обмануть насильников и сохранить невинность. Во всех остальных случаях обрастание бородой не имеет столь веских причин и может быть отнесено к капризам природы».

Эти примеры показывают, что соки не исчезают из организма и не теряются: они только меняют циркуляцию. Во всем остальном — точно так же. В молодости я, например, более строго судил людей, чем теперь, когда я старею. Это и понятно: тогда я не успел еще совершить столько грехов, сколько у меня накопилось их нынче. Поэтому с эгоизмом молодости я сурово судил других и был снисходителен к себе. Теперь иначе: ворох собственных грехов сделал меня в тысячу раз снисходительнее и терпимее к другим в надежде, что и другие будут платить мне тем же.

Я осуждал многое и среди прочего — страсть некоторых поэтов и писателей к воспеванию затворничества, умеренности, сельского уединения, привязанности к родным местам, порицая их стремление бежать светской суеты, желание вернуться к родным пенатам и тихо-мирно коротать там свою жизнь, пользуясь всеобщим уважением. Эти люди казались мне просто лицемерами, кем-то вроде ростовщика Альфио.

¹ *Освобожденная Святая* — святая Инес (Агнесса). По преданию Агнесса отвергла сватовство сына римского префекта Семпрония, т.к. решила принять обет безбрачия. В наказание Агнесса должна была голая прийти в публичный дом, однако на ее теле выросли волосы, прикрыв ее наготу. Позже каждый, кто пытался насильно взять девушку, не испытывал плотских желаний.

Меня повергали в бешенство стихи Мартинеса де ла Росы¹:

Ах, отче Дарро, нежная река,
Стою на бреге золотом пред тобою,
Душа приносит клятву, а пока...
Ты успокой меня священной тишиною².

«К чему все эти охи и вздохи? — думал я. — Не проще ли оставить посольство в Париже, освободить председательское кресло в совете министров, махнуть рукой на парламентскую карьеру да и поехать к тенистым рощам Хенералифе и Сакро-Монте, укрыться в уединенной усадьбе и любоваться тихим Дарро и прозрачными струйками Фуэнте-дель-Авельяно?»

Значительно позже я понял, что Мартинес де ла Роса не напрасно вздыхал по своей Гранаде. В дальнейшем я заболел тем же недугом, если это можно назвать недугом. Признаюсь, мне давно уже хочется вернуться в родные места и зажить там *ut grisca gens mortalium*³ — заняться хозяйством, пахать на волах отцовскую землю, как некогда это делал Цинциннат⁴

¹ *Мартинес де ла Роса* Франсиско (1787–1862) — испанский поэт и драматург, политический деятель. Был в изгнании в Париже (1823–1831), где познакомился с новым романтическим движением. Дважды возглавлял правительство, а также служил послом в Париже и Риме.

² Здесь и далее перевод стихов М. Смирнова.

³ Как первобытный род человеческий (*лат.*) — цитата из «Эподов» Горация.

⁴ *Цинциннат* Луций Квинций (519–439 г. до н.э.) — римский военачальник. Для решения кризисов дважды на короткое время назначался диктатором, после чего возвращался к земледелию. Среди римлян считался добродетельным и скромным героем.

и другие знаменитые люди древности. Я всегда говорил, что готов многое отдать за эту самую тихую жизнь и уподобиться мудрецам древности, но, признаюсь, ровно ничего не делаю, чтобы осуществить свое желание, хотя зависит это только от меня самого.

Однако я понимаю, что это непросто сделать даже очень смелому и решительному человеку. Я искренно сочувствую тем, кто в городской сутолоке мечтает о деревенском покое; так посочувствуйте же и мне и поймите, сколь глубоко сидит в моей душе нежная привязанность к тихому, безвестному уголку земли, где мой отец растил виноград и пестовал фруктовые деревья, следя за тем, чтобы они взрастали, набирались сил и приносили обильные плоды.

Моя деревня находится в той же провинции и недалеко от того селения, где родились знакомые читателям Луис де Варгас и Пепита Хименес¹. Но речь теперь пойдет не о моей деревне, а о другой. Она тоже находится близко от нас, и я часто туда наезжаю, ибо есть там у меня немного земли, которая дает небольшой, но постоянный доход — примерно по полдуро в день. Эта деревушка еще меньше и еще беднее, чем моя, окрестности ее не так милы и приятны, хотя ее обитатели думают иначе и считают, что это едва ли не лучшее место на земле.

Селение, название которого я не хочу открывать до поры до времени, расположено на склоне голого холма и со всех сторон окружено горами. Даже забравшись на колокольню, вы ничего не увидите оттуда, кроме высоких гор. В окрестностях деревни почти нет садов,

¹ *Луис де Варгас* и *Пепита Хименес* — герои дебютного романа Хуана Валеры «*Пепита Хименес*», написанного в 1874 году.

но соседние склоны покрыты виноградниками, оливковыми рощами, хлебными полями; в долине журчат ручьи, по берегам растут красавцы тополя, и вся эта земля кажется ее трудолюбивым сыновьям плодородной, благословенной землей. Не умея объяснить, откуда берется такая щедрость, земледельцы приписывают ее благоволению святой троицы, трон которой будто бы находится прямо над их головами. Верят они и в святого покровителя деревушки, считая, что он ревностно и напористо посредничает за них перед богом и обеспечивает им благоденствие и процветание. Словом, и красота и богатства края — это, по их мнению, дары божьи и проявление его особой милости к обитателям здешних мест.

Фигура святого покровителя сделана из серебра и невелика ростом — не выше тридцати сантиметров. Но не все меряется на вершки и локти. Жители соседней деревни предложили однажды за эту малюсенькую фигурку — такие благочестивые сделки не редкость в наших местах — целый воз других святых разных размеров и рангов, и все же обмен не состоялся. Святой с лихвой оплатил эту любовь своих духовных сыновей. Потерпев неудачу с обменом и видя, что добром святого не заполучишь, соседи выкрали его ночью, но он обманул бдительность похитителей, покинул новое местожительство и уже на следующее утро снова стоял в своей нише. С тех пор ниша забрана решеткой из толстых железных прутьев, но не из-за боязни лишиться какого-то пустячного серебра, а из желания сохранить при себе верного покровителя, избавляющего деревню от всяких бед и напастей.

Надо признать, что дух критицизма, свойственный нашему веку, не миновал деревушку и умерил энтузи-

азм ее обитателей к местному чудотворцу. Но я еще помню, с каким восторгом, с какой любовью и благодарностью носили люди его изображение во время процессий, как исступленно кричали: «Да здравствует наш покровитель!», как горячо обсуждали его достоинства: «Не гляди, что сам с огурец: чудеса творит за всех чертей, вместе взятых». Это было наивно-простодушным выражением той мысли, что в одном их святом заключалась чудотворная мощность в тысячи дьявольских сил, подобно тому как машина — если позволительно сравнивать духовное с механическим и светское с духовным, — несмотря на малые размеры, вмещает тысячи сил лошадиных.

Находятся, однако, люди (это жители соседних деревень), которые утверждают, что обладатели чудотворного изображения порой обращаются с ним крайне бесцеремонно: когда долго нет дождя, они волокут святого к источнику Пилар-де-Абахо и устраивают ему ныряние и купание. Рассказывают, что дождь льется либо тут же сразу, либо несколькими часами позже. Сам я этого никогда не видел, не верю в принудительное купание и считаю все это выдумкой и сплетней. Андалусийцы — люди завистливые и к тому же большие шутники: могут придумать что угодно.

К сожалению, рассказ о нырянии святого не первая шутка-навет на жителей деревушки, о которой идет речь. Так как большинство тамошних жителей рыжеволосы и так как до недавнего времени там был богатый монастырь псов господних доминиканцев во главе с рыжеволосым отцом Бермехо, то всех жителей деревни стали называть псами рыжего отца Бермехо. Во время ярмарок и престольных праздников из-за этого часто возникали ссоры: парни дрались камня-

ми, кулаками, кольями, а у мужчин дело доходило до ножей.

Случай, о котором я рассказываю, не единственный в Андалусии; едва ли можно найти селение, по поводу которого не ходила бы какая-нибудь обидная шутка. Деревню Висо, например, называют родиной дымовых труб именно потому, что никто их там в глаза не видел. Или спрашивают местных жителей, знают ли они, что такое кедровые орехи, хотя всем известно, что, кроме этих самых орехов, там ничего не растет. Про Валенсуэлу и Поркуну рассказывают всякие анекдоты в связи с тем, что там нет дров и крестьянам приходится жечь не очень ароматное топливо. Зная, что жители Пальма-дель-Рио потребляют много апельсинов и что каждый обязательно ест их на завтрак, соседи не без ехидства у них спрашивают: «Как же вы обходитесь без апельсинов? Что же вы едите на завтрак?» Смеются и над крестьянами из Тосины, утверждая, что они служат мессу под гитару, зная, что там нет органа. Чтобы позлить жителя Фуэнтес-де-Андалусия, его деревню как бы по ошибке называют Фуэнтес-де-ла-Балаболка.

Вряд ли стоит приводить другие примеры. Важно, что жители деревни, о которой я рассказываю, страдают от насмешек не больше, чем жители других селений Андалусии.

Возвратимся к истории нашей деревушки, пренебрежем ядовитыми шутками и будем считать отца Бермехо родоначальником, главой и отцом тамошних жителей; чтобы как-то обозначить это селение, выделить из множества подобных, дадим ему имя Вильябермеха, сохранив в тайне настоящее название, на что есть свои причины, а жителей будем именовать бермехинцами.

В данном случае я следую примеру ученых историков древности, ибо возвожу название маленькой современной деревни к имени патриарха точно так же, как это делалось на заре человеческой истории, в те славные поэтические и героические времена, когда жили настоящие патриархи: от Персея происходит название персов, Эллин дал имя эллинам, или грекам, Абар — евреям, Яфет — яфетидам и так далее, вплоть до отца Бермехо, к которому восходит название бермехинцев.

Из всего этого вовсе не следует, что отец Бермехо был реальной исторической личностью. Изначально имя это, вероятно, обозначало целый народ. Именно так толкуют современные историки данные о патриархах, упоминаемых в первых главах Книги Бытия. К примеру, Тувалкаин для них — это не отдельный человек, который жил несколько веков и был ковачом всех орудий из меди и железа, а весь род человеческий в переходный период от камня к металлу.

История знает немало случаев, когда тому или иному народу, из неприязни к нему или в виде насмешки, жаловали в родоначальники какого-нибудь злодея или чудовище. Египтяне, например, считали, что евреи родились в пустыне от отвратительного Тифона, бога зла, в то время когда он удирал верхом на ослице от Гора и от своего убиенного брата Осириса, о ту пору воскресшего. Ту же недоброжелательность можно усмотреть и в истории или в мифе об отце Бермехо и о бермехинцах, но за неимением ничего лучшего позволю себе называть селение, о котором я рассказываю, Вильябермехой и его обитателей — бермехинцами. Считаю нужным еще раз клятвенно заверить читателей, что у меня не было ни малейшего намерения обидеть моих полукомпатриотов. Я всех их очень люблю. Кроме то-

го, есть среди них человек, которого мне лестно считать своим лучшим другом, чьим умом, характером и приятными манерами я не устаю восхищаться.

У себя на родине он известен под именем-прозвищем дон Хуан Свежий. Мы тоже будем его так называть и думаем, он на нас не обидится. Дон Хуан Свежий — настоящий философ.

В детстве его звали просто Хуанильо. Он рано покинул Вильябермеху и вернулся туда уже в солидном возрасте и с изрядной суммой денег в кармане. Из почтения его стали величать доном, а поскольку он был свежеиспеченный дон, прибавили прозвище Свежий.

Его по праву считают влиятельным лицом, но он не желает вмешиваться в политику, не интересуется выборами, поэтому он не стал местным касиком¹ и не возглавляет никакой партии. Вильябермеха, в отличие от других городов и сел Андалусии, так сказать, беска-сикна и безглавна.

Возвращение сего славного мужа в такое захолустье можно считать высшей формой проявления любви к родине или — что не менее верно — проявлением крайней неосмотрительности.

В любом другом месте он сошел бы за настоящего дворянина, тогда как здесь среди его двоюродных братьев и племянников числились мясник, альгвасил, полдюжины бывших каторжников и прочая мелкая сошка. Его это ни капельки не смущает. Напротив, он даже гордится разношерстной компанией своих родителей и любит подчеркивать, что предки его — не какие-то жалкие батраки и поденщики, ковырявшиеся

¹ *Касик* — здесь: влиятельный, богатый человек, местный политик.

в земле, а люди крепкие, благородные, непокорные; в них проявились лучшие черты воинов-бермехинцев: мятежный дух и готовность к подвигу, что подтвердилось во время войны с маврами. Члены семьи Свежих — назовем их так — не желали копаться в земле, они родились, чтобы носить тогу или держать в руках оружие. Эти благородные желания не удалось удовлетворить полностью, но все же один Свежий облачился в плащ альгвасила, а другой заделался мясником, многие тоже вышли на большую дорогу: одни — чтобы возить контрабанду, другие — движимые рыцарским стремлением бороться за более справедливое распределение даров и благ слепой фортуны.

Вот какие похвальные вещи рассказывает дон Хуан о своих родственниках. Правда, он хитрец, каких мало, поэтому не ручаюсь, насколько все это серьезно.

Ему теперь далеко за шестьдесят, но он могуч, как дуб, и строен, как гвадарамское веретено; зубы у него в полном порядке, шевелюра в сохранности: седых волос не видно — может быть, потому, что он рыжий, как все бермехинцы; он прекрасно держится в седле и стреляет из ружья с такой меткостью, что ему позавидовал бы Вильгельм Телль.

По здешним понятиям он живет роскошно. Его дом стоит на самой площади и разделен на две половины: одна отведена под службы, здесь — давальня, винный погреб, житница, маслобойка, перегонный куб, каретный сарай, конюшня; другая половина — жилая, с удобными апартаментами, внутренним двориком, выложенным изразцами, с фонтаном, цветниками, мраморными колоннами и — как это ни удивительно — с богатой и хорошо подобранной библиотекой. И библиотека, надо сказать, служит не

только для украшения: дон Хуан много читает и много знает.

О жизни дона Хуана и о происхождении его богатства я могу сообщить только то небольшое, что он сам мне рассказал, уступив моим просьбам. Мой приятель не любит говорить о себе.

Он родился в самом начале века и отца своего не знал. Похоже, что мать больше не выходила замуж, на этот счет он никогда не распространяется. Семи лет от роду он вносил уже свою лепту в домашний бюджет и действовал весьма изобретательно: собирал для продажи съедобный чертополох, спаржу, дикий артишок, продавал или посредничал в продаже дроздов, угрей, лягушек. Где-то между десятью и пятнадцатью годами занялся выращиванием, сбором и продажей оливок и даже пас свиней. В этой последней должности и познакомился с ним его дядюшка, знаменитый священник Фернандес — слава и гордость Вильябермехи.

К тому времени, когда кончилась война за независимость¹ и на престоле уже восседал милостью божией король Фердинанд VII², упомянутый нами священник почивал на лаврах: он сложил оружие и полномочия предводителя отряда патриотов³ — французы называли их бандитами, — активно действовавшего в течение

¹ *Война за независимость* — борьба Испании против оккупации французской армией Наполеона I с 1808 по 1813 г.

² *Фердинанд VII* (1814–1833) — король Испании, вернувший престол после окончания войны с Францией. Во время его деспотичного правления Испания переживала внутренний раскол, а также потеряла почти все свои владения в Америке.

³ *Патриотами* в период войны за независимость Испании называли выступавших против французов членов партизанского движения.